

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Посвящается последним дням крейсера «Курск»

На длани Господней

Начало на стр. 6

Примерно к середине апреля «Курск» был отконвертован и подготовлен к пересадке в другой плавдок — ПД-42. Пересадка корабля, точнее — фактически его половины, также была сопряжена со значительным риском. Малейшая ошибка в установке взаимного положения доков могла бы привести к непоправимым последствиям. Двойная доковая операция, да еще части корабля, выполнялась впервые в истории судоремонта. К счастью, она была благополучно проведена, и «Курск» отправился к своему последнему причалу — на судоремонтный завод «Непра».

Первое, что предстояло сделать после прихода «Курска» — вырезать 7 злополучных шахт с ракетами «Гранит».

После долгих и тщательных технических проработок и изготовления специальной оснастки, в целях безопасности по отношению к заводским сооружениям, плавучий док ПД-42 был отбуксирован на котлован погружения, и 12 июля, в день Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, началась уникальная операция по вырезке из корпуса заряженных ракетных шахт. Уже потом, по прошествии времени, рассказывали, что многие жители города Снежногорск, узнав о предстоящей операции, спешно уезжали куда-нибудь. Но мы, те, кто занимался переводом АПРК «Курск» в безопасное состояние, ничего этого не знали и даже не думали об этом, хотя подсудно понимали, что с котлована погружения можем уже не вернуться.

Что греха таить, заводчане не разговаривают стихами «о цветочках и бабочках». Слов мало, но они жесткие, порой грубые, только конкретика — «Да», «Нет», «Не знаю». Бывает, заведет кто тему «в сторону», отворачиваются и уходят, только головой покачают: «Ни о чем...». А если очень допекут, или совсем тяжело станет — могут и крепким словом огреть, да не в один этап.

Так вот, когда готовились к вырезке первой шахты с ракетой, все 25 мужиков, отпетых матершинников, вдруг притихли, и не только не произносили ни одного бранного слова, наоборот в их речи появилась какая-то забота друг о друге, пришло то чувство, которое приходит к человеку перед лицом смерти. И мы все, в большинстве обычно грубые, чуждые «дум высокого стремления», вдруг реально почувствовали, что находимся сейчас в руках Божиих, что каждый из нас, произнеся какое-то пустое, а тем более грязное, бранное слово, может потерять это Его благословение, Его защиту, и тогда по вине одного пострадает все.

Когда вырезали первую и последнюю, наиболее разрушенные шахты с ракетами, на доке стояла такая тишина, что мы ее будем помнить, наверное, до конца своих дней. Смерть

прошла мимо нас, мы только проводили ее глазами.

Осматриваем последнюю шахту. Она практически переломлена пополам. Несколько миллиметров отделили ее содержимое от взрыва. Если бы это случилось, и произошла бы цепная реакция взрывов не только торпедного, но и ракетного боезапасов, последствия такого развития событий просто невозможно себе представить. Прежде всего, это

пельных линиях. Таким судном стала спецплавтехбаза «Имандра».

Ввод «Имандры» в стапельный цех должен был производиться при помощи судопоезда, приводимого в движение посредством системы гидравлики. В конце ноября — начале декабря, стояли невероятно сильные морозы. Несмотря на это, технологически было невозможно отложить операцию по постановке «Имандры». Когда уже были открыты мор-

дры» в закрытый стапельный цех, «Курск» наконец словно смирился с тем, что он, крейсер-красавец, никогда уже не выйдет в море и не расцвет воды своей стальной мощью.

А часть корпуса «Курска» еще существует, даже находится на плаву. После выгрузки ядерного топлива из его корпуса был сформирован трехотсечный блок — то, чем заканчивается жизнь любого атомхода.

Когда-нибудь из него сделают одноотсечный блок для наземного хранения на плите полигона длительного хранения реакторных блоков «Сайда», построенного на деньги Бундестага. И только через 150-200 лет его оставшиеся конструкции могут стать абсолютно безопасными. А пока стоять этому последнему кусочку «Курска» среди прочих таких же блоков, ушедших мирно. На этом блоке нет уже слова «Курск», нет синей полосочки с курскими соловьями.

В храме поселка Видяево, откуда уходил «Курск» в свой последний поход, есть 4 уникальные иконы — Господа Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, Святителя Николая и Святого равноапостольного князя Владимира. По периметру икон изображены светлые лица моряков, погибших на АПРК «Курск». О, сколько высказываний можно было услышать по этому поводу — «Что, если погибли, святыми сразу стали? А то мы не знаем, как моряки живут — гуляют, пьют, матерятся...»

Да, у нас часто так бывает — праведность, жертвенность, святость могут вовсе не совпадать. Выпивал, хулиганил, гулял. А пошел на войну и жизнь отдал за Родину, за товарища. Каждому из нас Господь протягивает эту ладонь спасения, чтобы «во благих водворились» наши бессмертные души.

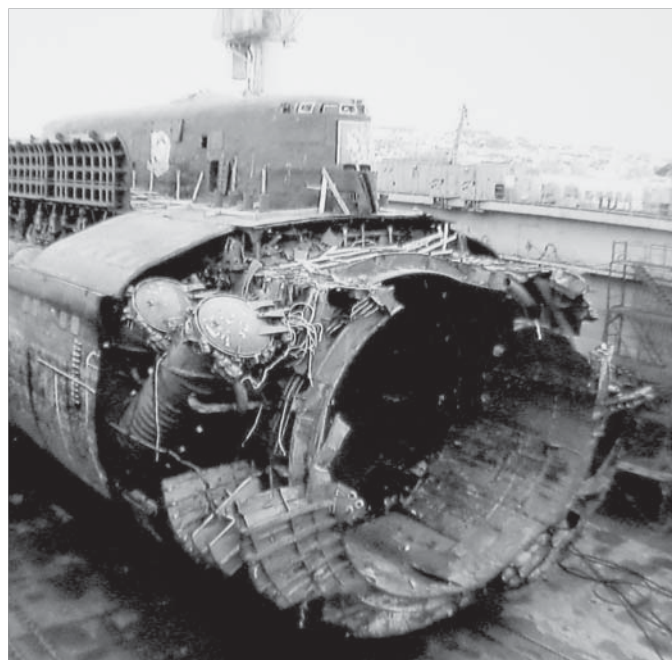
О том, с каким достоинством моряки встретили свой смертный час, много говорит записка капитан-лейтенанта Дмитрия Колесникова. Чтобы написать такую записку, нужно обладать великим мужеством и достоинством.

Этот взрыв, эта гибель должны были разбудить всех нас, чтобы мы очнулись от сна, чтобы оглянулись вокруг, чтобы встрепенулось в нас чувство ответственности, долга, потому что мы все на земле находимся тоже как бы на одном корабле, и от поступка и слова одного часто зависит жизнь других.

Лица ребят смотрят сейчас на нас с икон. Они названы не святыми, как некоторые полагают, а чтимыми усопшими. Церковь молится за их упокой.

На иконах, так и оставшись плечом к плечу, рядышком, они останутся навсегда защитниками Родины, чести и правды, словно обступив нас, вдохновляя на жертвенность и подвиг.

Яна СМИРНОВА,
канд. тех. наук, зам. начальника ИЦ СРЗ «Непра»,
в 2000-2002 г. - ведущий инженер
по утилизации АПК «Курск»

могло бы вызвать разрушение ядерного реактора и как следствие, стать причиной серьезной радиационной аварии.

Но к счастью, если можно так выразиться, возникшие при аварии «Курска» механические воздействия на реактор не вызвали никаких разрушений его конструкций и механизмов. Поэтому заключительная операция по приведению «Курска» в безопасное состояние, хотя не рассматривалась с технической точки зрения как рядовая, но в то же время, как казалось тогда, и не расценивалась как уникальная. Однако, «Курск» словно боролся за жизнь. В нем, обезглавленном и обезоруженном, еще продолжало тихо биться его ядерное сердце. И он не хотел подпускать к нему никого. Поэтому драматические события последних дней корабля после выгрузки ракет еще не закончились.

К концу ноября 2002 года проект по выгрузке ядерного топлива был полностью готов. Его основной идеей была постановка «Курска» и судна — перегрузчика, которое и будет обеспечивать выгрузку топливных элементов, в закрытый стапельный цех на двух параллельных ста-

ские ворота, и нос судна частично вошел внутрь цеха, из-за низкой температуры застыла гидравлика в системе движения судопоезда. Его движение прекратилось, несмотря ни на какие усилия. Началось резкое охлаждение помещения цеха. Снижение температуры ниже нуля привело бы к замерзанию контуров реактора «Курска», уже стоявшего на параллельном стапельном месте. По заводу были собраны все, какие только возможно, тепловые пушки, с одной целью — не дать упасть температуре в реакторном отсеке ниже +5 0 С. Между тем, третьи сутки продолжались попытки всевозможными способами передвигать «Имандру» буквально по сантиметру.

Выврава из вен иглы капальниц, на завод приехал бывший тогда его директором тяжелый большой Павел Григорьевич Стеблин. На четвертые сутки судно завели в цех. Морские ворота закрылись.

К сожалению, после почти пяти суток непрерывной работы без сна и отдыха остановилось сердце у оператора судопоезда Владимира Загуменова. А через два месяца не стало и П.Г. Стеблина. Вечная им память.

После тяжелой заводки «Иман-